

Панова Е. П., Тюменцева Елена Владимировна

ОБРАЗ ИНОСТРАНЦА В ФОЛЬКЛОРНОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТАХ, ЛИТЕРАТУРНОМ АНЕКДОТЕ XVIII-XIX ВЕКОВ И СОВРЕМЕННОМ АНЕКДОТЕ

Статья посвящена анализу образа иностранца в русском языковом сознании на материале фольклорных текстов (лирических песен), текстов художественной литературы (А. Грибоедов, А. С. Пушкин, П. П. Ершов), литературных анекдотов XVIII-XIX веков и современных анекдотов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/1-2/24.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1): в 2-х ч. Ч. II. С. 82-87. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Рифмуются подлежащие, которые синтаксически и семантически очень важны: йӱзыс - шогыс (народ - горе). Аллитерацией связаны слова «шӯѳ - шогыс» (говорит - горе), «прӱста - сы пыр» (напрасно - через него), «лӱжсӱ - лӱччӱ» (ложь - льётся). Рифма будто маленькими редкими стежками прошивает произведение. Ритмичность формы минимальна, но мощен интонационный ритм.

На протяжении всего пути коми литература не раз обращалась к творческому наследию 20-х годов XX века, родившему талантливейших поэтов В. Савина, В. Чисталева, В. Лыткина, ставших классиками. Была задана достаточно высокая планка литературных достижений, в том числе и в обращённости к наследию русской литературы, литератур финно-угорских народов. Бесспорно, межлитературные связи, взаимовлияние литератур - явление намного шире. Перевод - одна из составляющих, важнейших его частей. В 1920-е годы имели место литературные аллюзии, разного рода переложения, переделки, пересказы. Предстоит кропотливая работа по их выявлению и оценке.

Список использованной литературы

- 1. Агит-пјесајас; комиӱ лӱсьӱӱӱс А. Н. Чеусова** = [Агит-пјесы] / Пер. А. Н. Чеусовой. - Сыктывдін кар: Коми нига лӱдзанин, 1924. - 76 с.; Коммунистка Вера. 3-торја ворсантор. Роч-вылысь лӱсьӱӱӱс А. Чеусова = [«Коммунистка Вера»]: Пјеса в 3 д. / Пер. А. Н. Чеусовой]. - Сыктывдінкар: Коми нига лӱдзанин. Коми література лӱзан-ін, 1925. - 57 с. и т.д. (правописание сохранено).
- 2. Баршева.** Јогор школаын. Роч вылысь лӱсьӱӱӱс М. В. Потолитсын = [Егорушка в школе] / Баршева / Пер. М. В. Потолитсына. - Сыктывдін кар: Коми нига лӱдзанин, 1928. - 32 с.; Эвальд, К. Кык кока = [Двуногие] / К. Эвальд / Пер. В. Т. Чисталева. - Сыктывдінкар: Коми нига лӱдзанин. - 72 с.: ил.; Неверов, А. Ташкент няня кар: Висьт; роч вылысь вужӱӱӱс В. Выборов. [Ташкент - город хлебный] / А. Неверов / Пер. В. Выборова; худож. обл. В. Поляков. - Сыктывдінкар: Коми нига лӱдзанин, 1929. - 164 с.: ил. (правописание сохранено).
- 3. Домокош, П.** Формирование литератур малых уральских народов / П. Домокош / Пер. с венгер. - Йошкар-ола: Марийское кн. изд-во, 1993. - 288 с.
- 4. Жаков П. К.** Мајбыр: мојданкыв / комиӱн лӱсьӱӱӱс П. М. Попов = [Счастливый: сказка] / П. К. Жаков / Сост. Н. П. Попов. - Сыктывдін кар: Коми нига лӱдзан ин, 1923. - 24 с. (правописание сохранено).
- 5. Лыткин, В. И.** Дзордзав жӱ, Коми му: висьтыяс да кывбурьяс / В. И. Лыткин. - Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985. - 256 с.
- 6. Мамин-Сибірак, Д.** Кӱдзыд јидор керка; роч вылысь лӱсьӱӱӱс И. Т. Чисталев = [Зимовье наступает] / Мамин-Сибірак / Пер. И. Т. Чисталева. - Сыктывдін кар: Коми нига лӱдзанин, 1924. - 12 с.; Кузьныра ном / Мамин-Сибіряк; роч-вылысь лӱсьӱӱӱс Суханов = [Длинноносый комар] / Мамин-Сибіряк / Пер. Суханова. - Сыктывдін кар: Коми нига лезан-ін, 1928. - 15 с. (правописание сохранено).
- 7. Мартынов В. И.** Становление коми литературы (Идейно-эстетический аспект) / В. И. Мартынов. - М.: Наука, 1989. - 232 с.
- 8. Роч вылысь лӱсьӱӱӱс: мојданкывјас** = [Русские народные детские сказки]. - Сыктывдін кар: Коми нига лӱдзан, 1923. - 19 с.: ил. (правописание сохранено).
- 9. Рощевская, Л. П.** История книжного дела в Коми АССР (1906-1941) / Л. П. Рощевская. - Сыктывкар: ООО «Изд-во «Кола», 2006. - 304 с.
- 10. Тима Вень (В. Чисталёв).** Менам гора тулыс. Кывбура да проза гижӱӱӱдьяс. Лӱсьӱӱӱс да водзкывсӱ гижис Г. И. Торлопов. - Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. - 259 с.
- 11. Чехов М. П.** Кельдылӱз бант: ӱти торя теш / М. П. Чехов / Комиӱн лӱсьӱӱӱс А. Чеусова. - Сыктывдін кар: Коми нига лӱдзан ин, 1924. - 20 с. (правописание сохранено).

ОБРАЗ ИНОСТРАНЦА В ФОЛЬКЛОРНОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТАХ, ЛИТЕРАТУРНОМ АНЕКДОТЕ XVIII-XIX ВЕКОВ И СОВРЕМЕННОМ АНЕКДОТЕ

*Панова Е. П., Тюменцева Е. В.
Волгоградский государственный технический университет*

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., проф. Прокуровой Н. С. и к.ф.н., доц. Филимоновой Н. Ю.

Статья посвящена анализу образа иностранца в русском языковом сознании на материале фольклорных текстов (лирических песен), текстов художественной литературы (А. Грибоедов, А. С. Пушкин, П. П. Ершов), литературных анекдотов XVIII-XIX веков и современных анекдотов.

Национальный вопрос волновал русского человека с давних времен и оставил заметный след как в менталитете, культуре русского народа, так и в русском языковом сознании. Так, например, уже мифологическое сознание язычника делит окружающее пространство на «свое - чужое». В славянском фольклоре «свое» осмысливается как место, в котором можно чувствовать себя защищенным, «чужое» - это дальняя сторона, где поджидает опасность. Однако, под понятием «чужое» может подразумеваться более широкий смысл, чем «другая страна», «другое государство»: переступив границу «своего - чужого», человек становится незащищенным, оказывается во власти темных сил. Следовательно, «чужое» пугает, отталкивает, вызывает недоумение, ужасает, удивляет. Так, в лирических песнях выстраивается параллель «окно - чужое пространство», так как «через окно осуществляется символическая связь с миром мертвых» [Байбурин 1983: 141]. Древние славяне испытывали страх перед «тем» светом, обладающим вредным влиянием на человека. Соот-

ветственно «чужое» пространство воспринималось как опасное, границы которого не рекомендовалось преодолевать, предварительно не выполнив магический ритуал:

*Сидела б я в новой горнице одна,
Белой грудью я на красном окне,
Глядела бы в чисто поле далеко,
Я роняла горячи слезы из глаз,
Я бранила бы чужу дальню сторону:
-Ты, злодей, ты, злодей, чужа дальня сторона!
Разлучила меня с матерью,
Во-вторых-то, с любезным дружкойм,
А во-третьих, со родимой стороной [Киреевский 1986: 75].*

Внутреннее состояние лирической героини, находящейся на иной территории, находит свое отражение в эпитете «злодей», так как «чужа дальня сторона» разлучила ее с «матерью», с «любезным дружкойм», «со родимой стороной». Такое постепенное нанизывание образов усиливает эффект одиночества и тоски по родному дому. Итак, значение «окна» в данном контексте воспринимается как отверстие в иной мир, в «чисто поле», однако эту границу переступать запрещено.

В народных сказках «чужая сторона» также полна опасностей и непредвиденных обстоятельств: там живет Кощей Бессмертный, или Змей Горыныч, или ... Заморская Царевна неземной красоты. Заметим, что в фольклорном эпосе, как известно, отсутствует психологизм, поэтому критерии красоты никак не обозначены и не выражены в сказочном тексте. Скорее, наоборот, красота царевны дается вне этнических и межкультурных отличий, в фольклоре понятие красоты - интернационально.

В период расцвета романтизма и обострившегося интереса писателей фольклору, в русской литературе начинает активно осваиваться жанр литературной сказки. В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, А. Погорельский, В. Ф. Одоевский, П. П. Ершов осваивают сказочные образы и сюжеты, переосмысляя и перерабатывая их с литературно-художественных позиций. Благодаря тому, что литературная сказка - это письменный вид искусства, писатель наполняет сюжеты народных сказок теми литературными приемами, которых не знала народная сказка: литературные портреты, пейзажные зарисовки, описание интерьера, психологизм, лирические отступления, авторские характеристики. С развитием психологизма в литературной сказке, закономерно встает вопрос о критериях русской и заморской красоты в рамках «своего - чужого». Так, у А. С. Пушкина находим образец чисто русской красоты: «*Но царевна, молодая, / Тихомолком расцветая, / Между тем росла, росла, / Поднялась - и расцвела, / Белолица, черноброва, / Нрава кроткого такого*», и далее: «*Дом царевна обошла, / Все порядком убрала, / Засветила богу свечку, / Затопила жарко печку*». Царица у Пушкина обладательница не только внешней, но и внутренней красоты: высока, стройна, белолица, хорошая хозяйка, скромна, терпима, богобоязненна.

В данном случае интересно сопоставить пушкинское представление о красоте с описанием заморской красоты, которое создает П. П. Ершов в сказке «Конек-Горбунок»: «*От гостей же слух идет, / Что девица там живет; / Но девица не простая, / Дочь, вишь, Месяцу родная, / Да и Солнышко ей брат. / Та девица, говорят, / Ездит в красном полушубке, / В золотой, ребята, шлюпке / И серебряным веслом / Самолично правит в нем; / Разны песни попевает / И на гусельницах играет*» [Сб. Сказки ... 2006: 127]. В данном случае портрет чужеземки близок традиционному портрету красавицы русских народных сказок. Ершов явно опирается на образность, достаточно хорошо разработанную в фольклоре. Однако далее Ершов выступает как мастер психологического портрета: описание царь-девицы дается уже сквозь призму видения ее Иваном, русским мужиком, у которого совсем иные представления о красоте (хорошо известные русскому читателю по тем же сказкам, и достаточно ясно описаны А. С. Пушкиным), явно противоречащие «заморским» канонам: «*Царь-девица, так что диво! / Эта вовсе не красива: / И бледна-то, и тонка, / Чай, в обхват-то три вершка; / А ножонка-то, ножонка! / Тьфу ты! Словно у цыпленка! / Пусть полюбится кому, / Я и даром не возьму*» [Сб. Сказки ... 2006: 132].

Итак, Ершов создает два портрета, принадлежавших одному человеку, но эти портреты явно противоречат друг другу, так как представления о красоте разных народов различны, и именно это различие так сатирически тонко подмечает Ершов в своей сказке: Ивану Царь-девица кажется уродиной, на которой «никак невозможно жениться». Таким образом, иностранная культура воспринимается русским сознанием как нечто инородное, неприемлемое.

Обратимся к комедии А. Грибоедова «Горе от ума», к эпизоду встречи гостей, в котором писатель затрагивает тему иностранцев в России: «*Легко ли в 65 лет / Тащится мне к тебе, племянница, - / мученье / час битый ехали с покровки, / силы нет / ночь - светопредставленье. / От скуки я взяла с собой / Арапку-девку, да собачку. / Вели их накормить ужю, дружочек мой, / От ужина сошли подачку. / Княгиня, здравствуйте, / Ну, Софьюшка, мой друг / Какая у меня арапка для услуг / Курчавая! / Горбом лопатки! Сердитая! / Все кошачьи хватки / Да как черна, да как страшина, / Ведь создал же Господь / Такое племя: / Черт суций, в девечей она: / Позвать ли? / Представь: их как зверей выводят на показ! / Я слышала, там... / Город есть Турецкий... / А знаешь ли, кто мне / Припас? / Антон Антоныч Загорецкий*». В отрывке в сознании гостя выстраивается ассоциативный ряд: арапка - черт - звери. При этом данные ассоциации связаны не только с

внешними, физиологическими данными, неприемлемыми для российских критериев красоты («*Какая у меня арапка для услуг / Курчавая! / Горбом лопатки! Сердитая! / Все кошачьи ухватки / Да как черна, да как страшна, / Ведь создал же Господь / Такое племя*»), но и в несовпадении социально-культурной и общественной жизни обеих стран, Турции и России («*Представь: их как зверей выводят на показ! / Я слышала, там... / Город есть Турецкий...*»), а также в противоположности религиозных воззрений («Черт сущий»). Арапка - это «чужое» пространство, для народного сознания - inferнальное, связанное с нечистой силой, так как непонятное и непознанное.

В этом аспекте интересен образ африканца в русском языковом сознании. Так, например, в повести А. С. Пушкина «Арап Петра Великого» представлено восприятие Ибрагима светским обществом Франции и России. Во Франции «обыкновенно смотрели на молодого негра как на чудо» (с. 5). Ибрагим «чувствовал, что он для них (французов) род какого-то редкого зверя, творения особенного, чужого, случайно-перенесенного в мир, не имеющий с ним ничего общего» [Пушкин 1995: 5] Однако, во Франции, хотя также и выстраивается оппозиция «свое-чужое», однако европейская культура более толерантна, поэтому «не одна красавица заглядывалась на него с чувством более лестным нежели простое любопытство» [Пушкин 1995: 5]. Более того, некая графиня Д. проявила свою благосклонность к молодому Ибрагиму, а «наблюдательному свету» ее выбор казался «вполне естественен».

Однако, ситуация в России у Ибрагима складывается противоположным образом: с одной стороны, когда Ибрагим приехал в Петербург, Россия была чрезвычайно гостеприимна к нему: «Государь приблизился к нему, обнял его и поцеловал в голову», позже Ибрагим был приглашен на обед Петром I, в ходе которого «государь с ним разговаривал о разных предметах» [Пушкин 1995: 10-11]. С другой стороны, в русской культуре прочно удерживается восприятие иностранца как нехристя. Ассоциативный ряд «чужое-чужестранец-нехристь-антихрист» актуализируется в сцене сватовства. Ибрагим был сосватан Петром I дочери Гаврилы Ржевского, что было воспринято семейством как трагедия: «*батюшка-братец, - сказала старушка слезливым голосом, - не погуби ты своего родимого дитяти, не дай ты Наташеньки в когти черному диаволу*» [Пушкин 1995: 25]. Наташа же, «когда услышала последние слова, лишилась чувств, и, падая, расшибла голову о кованный сундук, где хранилось ее приданое» [Пушкин 1995: 26].

И далее, когда «бедная девушка» очнулась после долгого беспамьятства, «она с усилием приподняла голову и вдруг узнала царского арапа. Тут она вспомнила все, весь ужас будущего представился ей. Но изнуренная природа не получила приметного потрясения. Наташа снова опустила голову на подушку и закрыла глаза» [Пушкин 1995: 31]. Члены семьи Гаврилы Ржевского назвали Ибрагима «диаволом», а свадьбу Наташи восприняли как погибель души.

Если от художественных и фольклорных текстов, в которых однозначно отразилась эпоха, нравы и менталитет русского народа, обратимся к литературным анекдотам XVII-XIX веков, которые более тесно связаны с объективной реальностью, то обнаружим общие интересные закономерности в осмыслении образа иностранца как в художественных текстах, так и в литературных анекдотах. В обоих типах текстов: в художественных произведениях и в литературных анекдотах XVIII-XIX веков - разрабатывается такая общая для них тематика, как хлебосольность и гостеприимство русского народа по отношению к чужестранцам, нетипичность внешности иностранцев, принадлежность их к иной социальной и религиозной культуре, а также сложившаяся в народном мифологическом сознании тема отчужденности русского народа от всего «чужого», так или иначе связываемого с темными inferнальными силами. Добавим, что подобные совпадения не случайны и заключаются в отражении в произведениях цельности и единства народного мифологического сознания, которым обладал русский человек XVIII-XIX веков, в отличие от человека XX века, где мы сталкиваемся с проявлениями множественности картин мира, что приводит к пестроте и разнообразию взглядов, мнений, позиций. Тематика анекдотов становится разнообразнее и противоречивее под влиянием 1) научно-технического прогресса; 2) расширения и углубления экономических и культурных связей между странами; 3) расширения возможностей человека; 4) изменения религиозно-философских взглядов и повсеместного распространения атеистических воззрений на мир; 5) появления больших возможностей познания человеком культур других стран; 6) исторического развития стран и народов. Все эти и другие особенности развития мира способствовали изменению и разъединению цельной картины мира русского человека XVIII-XIX веков, а следовательно, идейно-тематическому разнообразию анекдотов.

Однако, любой анекдот (литературный или народный) является одним из немногочисленных сохранившихся до наших дней воплощений карнавального сознания. Отражая систему ценностей карнавального мира чутко реагирует на изменения в ней. Карнавальное сознание характеризуется стремлением к фамильяризации, снижению, приземлению всего, что воспринимается как значимое и серьезное во внекарнавальном мире, всех официальных ценностей и фетишей [Бахтин 1963: 210; Слышкин 2000: 22]. Таким образом, карнавализация - это то явление, которое отличает анекдот от художественной литературы. Художественная литература отражает и осмысляет мир, а анекдот - высмеивает. Поэтому образ иностранца, существующий в двух параллельных художественных системах, в жанре анекдота изображается в духе карнавальной смеховой традиции.

Так в одном из анекдотов о Наполеоне находим мотив сопоставления иностранца с нечистой силой. Сопоставление Наполеона с антихристом продолжает обозначенную нами выше тему: нехристь Наполеон однозначно действует заодно с «диаволом», а батюшка царь Александр никак не может водить с ним дружбу. А вот «сперва окрестить Бонапартия в реке, а потом же допустить его пред свои светлые, царские очи» [Рус-

ский лит. анекдот ... 1990: 255] - с точки зрения народных представлений это достойный поступок русского православного царя, в котором угадываются и восхищение народа царем, и вера в его непоколебимую физическую силу, духовную стойкость, а также глубочайшую религиозность.

Дело идет о первом свидании и первой встрече Александра с Наполеоном на плоту на реке Немане, в 1807 году. В это время ходила в народе следующая легенда. Несчастные наши войны с Наполеоном грустно отозвались во всем государстве, живо еще помнившим победы Суворова при Екатерине и при Павле. От это того уныния до суеверия простонародного, что тут действует нечистая сила, недалеко, и Наполеон прослыл антихристом. Церковные увещания и проповеди распространяли и укрепляли эту молву. Когда узнали в России о свидании императоров, зашла о том речь у двух мужичков. «Как же это, - говорит один, - наши батюшка, православный царь, мог решиться сойтись с этим окаянным, с этим нехристом. Ведь это страшный грех!» - «Да, как же ты, братец, - отвечает другой, - не разумеешь и не смекаешь дела? Разве ты не знаешь, что они встретились на реке? Наш батюшка именно с тем и повелел приготовить плот, чтобы сперва окрестить Бонапартия в реке, а потом уже допустить его пред свои светлые, царские очи» [Русский лит. анекдот ... 1990: 255] - т.о. в анекдоте сатирически высмеивается образ Наполеона, но в основе создания данного сатирического образа лежит все тот же мотив сопоставления Наполеона с антихристом, общение с которым, по определению (чужой), может «принести» только беду. И далее, ситуация разворачивается в традициях карнавалльно-смеховой культуры, в соответствии с народными представлениями о «чужом»: «Наш батюшка именно с тем и повелел приготовить плот, чтобы сперва окрестить Бонапартия в реке, а потом уже допустить его пред свои светлые, царские очи».

В литературный анекдот XVIII-XIX веков обращался также к таким темам, как тема путешествия, тема «засилья» иностранцев при русском дворе, тема непрофессионализма и недобросовестного отношения иностранцев к своему труду, тема «засоренности» русского языка иностранными словами. То есть тематика анекдота, с одной стороны, несколько шире и разнообразнее, с другой, злободневнее, так как жанр анекдота диво реагирует на животрепещущие проблемы общества. Поэтому актуальность затрагиваемых тем - это жанрообразующая черта анекдота.

Обратимся к анекдоту XIX века, в котором высмеивается двойное отношение к иностранцам: *Однажды Бирон спросил Куликовского: «Что думают обо мне россияне?» «Ваша светлость, - отвечал он, - одни считают вас Богом, другие сатаной и никто - человеком»* [Русский лит. анекдот ... 1990: 183], - демонстрирует, с одной стороны, продолжает обозначенную выше тему, а с другой, высмеивает «засилье» иностранцев при русском дворе, неразборчивое, слепое им поклонение и подражание.

Интересны анекдоты, в которых также отразилась двойственность нашей культуры по отношению к иностранцам: русские очень гостеприимны и хлебосольны, Россия всегда с радостью встретит, накормит и приласкает («государь принял его ласково...»), но с другой стороны русский не прочь и посмеяться над глупостью, невежеством, смешным этикетом или непонятным обычаем и традицией иностранца, а порой даже и обмануть несчастного, ввести в заблуждение какой-нибудь выдумкой. Следующие два анекдота демонстрируют как раз подобные отношения:

Шереметев под Ригою захотел поохотиться. Был тогда в нашей службе какой-то принц с поморья, говорили, из Мекленбургии. Петр Алексеевич ласкал его. Поехал и он за фельдмаршалом (Б. П. Шереметевым). Пока дошли до зверя, принц расспрашивал Шереметева о Мальте; как же не отвязывался и хотел знать, не ездил ли он еще куда из Мальты, то Шереметев провел его кругом всего света: вздумалось-де ему объехать уже всю Европу, взглянуть и на Царьград, и в Египте пожариться, посмотреть и на Америку. Румянцев, Ушаков, принц, обыкновенная беседа государева, воротились к обеду. За столом принц не мог довольно удивиться, как фельдмаршал успел объехать столько земель. «Да, я посылал его в Мальту».- «А оттуда где он ни был!» И рассказал все его путешествие. Молчал Петр Алексеевич, а после стола, уходя отдохнуть, велел Румянцеву и Ушакову остаться; отдавая потом им вопросные пункты, приказал взять по ним ответ от фельдмаршала, между прочим: от кого он имел отпуск в Царьград, в Египет, в Америку? Нашли его в пылу рассказа о собаках и зайцах. «И шутка не в шутку; сам иду с повинною головою», - сказал Шереметев. Когда же Петр Алексеевич стал журиль его за то, что так дурачил иностранного принца: «Детина-то он больно плоховатый», - отвечал Шереметев.- Некуда было бежать от спросов. Так слушай же, подумал я, а он и уши развесил» [Русский лит. анекдот ... 1990: 50-52].

В данном анекдоте (как и в следующем) высмеивается непонятная русскому человеку «страсть» иностранцев к путешествиям в другие страны (ср. пословицы: *Где родился, там и пригодился, Там хорошо, где нас нет, За морем и телушка - полушка, да перевоз семь гривен*). Несмотря на «ласковое» отношение русских к гостям, путешествие в русском менталитете часто сравнивается с бесполезным проматыванием времени и денег. Россия - огромная страна, за просторами которой русский человек не всегда видит и понимает полезность путешествий в другие страны, так как в родной стране еще не все познано и открыто. Непонятна русскому человеку и «страсть» иностранцев к путешествиям с целью поиска такой земли, «где власть находится в руках честных людей и заслуги вознаграждаются» - с точки зрения православного сознания занятие совершенно утопичное.

В царствование Петра посетил какой-то чужестранец новопостроенный Петербург. Государь принял его ласково, и, вследствие того, все вельможи взапуски приглашали к себе заезжего гостя, кто на обед, кто на ассамблею.

Чужестранец этот, между прочим, рассказывал, что он беспрестанно ездит по чужим землям и только изредка заглядывает в свою.

- *Для чего же ведете вы такую странническую жизнь? - спрашивали его другие.*

- *И буду вести ее, буду странствовать до тех пор, пока найду такую землю, где власть находится в руках честных людей и заслуги вознаграждаются.*

- *Ну, батюшка,- возразили ему,- в таком случае вам наверно придется умереть в дороге [Русский лит. анекдот ... 1990: 121 - 122].*

В Европе XVII-XVIII век прошел под знаком классицизма и эпохи Просвещения. Поиск Высшей Истины на земле разочарованным героем является популярной идеей в европейской философской мысли этого периода. Известно, что в русской культуре идеи классицизма и просвещения были несколько трансформированы под влиянием религиозной мысли. В данном анекдоте высмеивается западно-европейское уныние, возникшее под влиянием эпохи Ренессанса и барочной культуры, а также под влиянием осознания многих несправедливостей, царящих в мире, тогда как для домостроевской России, в XVII-XVIII веке продолжавшей осмыслять мир с религиозно-православных позиций, был очевиден тот факт, что истину невозможно найти на земле.

Массовый приезд иностранцев в петровскую эпоху привел к некоторым не очень положительным последствиям, которые выражались в следующем: среди европейцев, приглашаемых Петром I в Россию, часто приезжали и мошенники, которые себя выдавали за хороших специалистов. Следствием этого явилось создание и бытование серии анекдотов (например, о Кульковском - М. А. Голицыне, М. А. Голицын (1697-1755) - шут Анны Иоанновны; Бирон Эрнест Иоганн (1690-1772), герцог Курляндский (с 1737), фаворит императрицы Анны Иоанновны, регент при императоре Иване IV (1740):

В то время когда Куликовский стоял при Бироне, почти все служебные должности, особенно же медицинские, вверялись только иностранцам, весьма часто вовсе не искусным.

Осмеивая этот обычай, Кульковский однажды сказал своему пуделю:

- *Неудача нам с тобой, мой Аспид: родился ты только за морем, быть бы тебе у нас коли не архиатером <главным врачом>, то, верно, фельдмедикусом <главный врач при армии в походе> [Русский лит. анекдот ... 1990: 144], - «за морем», т.е. на чужой стороне, даже собака (казалась умнее некоторых представителей европейцев в России) могла занимать должность главного врача.*

Герцог Бирон послал однажды Кульковского быть вместо себя приемником от купели сына одного камер-лакея. Кульковский исполнил это в точности, но когда докладывал о том Бирону, то сей, будучи чем-то недоволен, назвал его ослом.

- *Не знаю, похож ли я на осла, - сказал Кульковский, - но знаю, что в этом случае я совершенно представляю вашу особу [Русский лит. анекдот ... 1990: 191], - сравнение с ослом - намек на несостоятельность в деловом отношении иностранцев, которые осуждались за то, что в большинстве своём служили не России, себе, своей выгоде.*

Серия анекдотов о Клейнмихеле П. А.:

После Венгерского похода кому-то из участвовавших в этой кампании пожалован был орден Андрея Первозванного и в тот же день и тот же орден дан Клейнмихелю.

- *За что же Клейнмихелю? - спросил кто-то.*

- *Очень просто: тому за кампанию, а Клейнмихелю для компании [Русский лит. анекдот ... 1990: 13].*

Интересны анекдоты, в которых высмеиваются недоразумения в сфере заимствований русским языком новых иностранных слов и непонимания их простым народом. Таким образом, граница между «своим» и «чужим» четко проходит в сознании русских не только в духовной, культурной и социальной жизни, но и в языковой сфере. Например, о «непонятности» русскому человеку «заморских» слов *император* и *оператор*, что в нижеследующем анекдоте смешивает ямщик:

*Лекарь Вилье, находившийся при великом князе Александре Павловиче, был ошибкою завезен ямщиком на ночлег в избу, где уже находился император Павел, собиравшийся лечь в постель. В дорожном платье входит Вилье и видит перед собою государя. Можно себе представить удивление Павла Петровича и страх, овладевший Вилье. Но все это случилось в добрый час. Император спрашивает его, каким образом он к нему попал. Тот извиняется и ссылается на ямщика, который сказал ему, что тут отведена ему квартира. Посылают за ямщиком. На вопрос императора ямщик отвечал, Вилье сказал про себя, что он анператор. «Врешь, дурак,- смеясь сказал ему Павел Петрович,- император - это я, а он оператор».- «Извините, батюшка,- сказал ямщик, кланяясь царю в ноги,- я не знал, что вас двое» [Русский лит. анекдот ... 1990: 73-74]. Здесь **Онператор** - устар. Врач-хирург, делающий операции [Макаров В. И. и др. 1993: 199].*

Анекдоты XX века значительно отличаются от анекдотов предшествующих столетий. И самое главное отличие заключается в том, что сегодня более популярен анекдот, сложившийся стихийно в народной среде. Литературные анекдоты прошлых столетий сегодня сохранились в качестве литературных памятников. Во-первых, в анекдотах, посвященных иностранцам, не упоминаются, как правило, великие исторические личности. Во-вторых, развернутый сюжет низводится до диалогической миниситуации. В-третьих, синтаксические конструкции более сжаты и приближены к разговорной речи, поэтому мысль развивается стремительно. В-четвертых, современные анекдоты наполнены сатирическим содержанием, мягкий, изящный юмор XVII-XIX веков уходит в прошлое. В-пятых, заметно меняется тематика анекдотов, так как значительно изменились реалии современной жизни. Анекдоты XX века в основном высмеивают американских миллионе-

ров, привыкших покупать все и вся, пьянство иностранца в России, их избалованность комфортом и т.д. Например: *Американский миллионер, охнув, хватается за сердце и тревожно говорит своему помощнику:*

- *Роджер, поскорее купите какую-нибудь больницу. У меня, кажется, инфаркт.*

Или еще один пример, построенный на омонимии: *Утерян большой дипломат. Нашедшего просят вернуть этого алкоголика в посольство Нигерии за вознаграждение* - смеховой эффект строится на характерном для объявления о пропаже чего-либо: *утерян большой черный дипломат*, - и игре значений в слове *дипломат* - 1) Должностное лицо, специалист, занимающийся дипломатической деятельностью, работой в области внешних сношений; 2) *перен.* О человеке, действующем дипломатично, тонко; 3) Плоский чемоданчик для ношения бумаг, тетерадей, книг (разг.) [Ожегов, Шведова 1995: 162].

Китайца спрашивают:

- *Ну, как вам Москва?*

- *Отлично: чисто, тихо и народу мало ...* - здесь юмористический эффект строится на сопоставлении разности восприятия русских, для которых Москва - самый большой по численности населения и по занимаемой территории город, и китайцев, которые, в сознании русских, у которых самая большая плотность населения в Китае.

В русском сознании существовало понятие *родственной души* вне зависимости от национальной принадлежности, цвета кожи, границ и сословий. Для родственных душ не является помехой ни незнание языка, ни какие-либо этикетные условности; это - нечто взезное, иррациональное, запредельное, связанное с сердечной жизнью, что невозможно объяснить словом, а возможно только почувствовать. Это прослеживается в следующем анекдоте:

Граф Платов любил пить с Блюхером. Шампанского Платов не любил, но был пристрастен к цимлянскому, Платонов имел порядочный запас. Бывало, сидят да молча и налижут. Блюхер в беспамятстве спустится через стол, а адъютанты его поднимут и отнесут в экипаж. Платов, оставшись один, всегда жалел о нем: Как я люблю Блюхера, славный, приятный человек, одно в нем плохо: не выдерживает.

- *Ваше Сиятельство,- заметил однажды Николай Федорович Смирной, его адъютант и переводчик, - Блюхер не знает по-русски, а вы по-немецки; вы друг друга не понимаете, какое вы находите удовольствие в знакомстве с ним?*

- *Э! Как будто надо разговоры; я и без разговоров знаю его душу; он потому и приятен, что сердечный человек* [Русский лит. анекдот ... 1990: 677].

Таким образом, на основе проанализированных текстов, мы можем заключить, что образ иностранца в русском языковом сознании не является отрицательным. Как и в любой культуре, здесь одним из наиболее часто высмеиваемых качеств является невежество, ограниченность, фрагментарность интеллектуального багажа, их «отличие». Вместе с этим, русское сознание, так же как и русский характер - является открытым и позитивно настроенным, готовым вбирать в себя все новое.

Список использованной литературы

1. **Байбурин А. К.** Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. - Л.: Наука, 1983. - 188 с.
2. **Бахтин М. М.** Проблемы поэтики Достоевского. - М.: Советский писатель, 1963. - 364 с.
3. **Бахтин М. М.** Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. - М.: Художественная литература, 1965. - 528 с.
4. **Ершов П. П.** Конек-горбунок // Сказки русских писателей. - М.: ЭКСМО, 2006. - 608 с.
5. **Караулов Ю. Н.** Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: Доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. - М.: Русский язык, 1986. - С. 105-126.
6. **Макаров В. И., Матвеева Н. П.** От Ромула до наших дней: Словарь лексических трудностей художественной литературы. - М.: Былина, 1993. - 368 с.
7. **Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. - М.: АЗЪ, 1995. - 928 с. - 3-е изд., стереотипное.
8. **Пушкин А. С.** Арап Петра Великого // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. - М.: Воскресенье, 1995. - Т. 8. - Кн. 1. - 496 с.
9. **Пушкин А. С.** Сказка о мертвой царевне и семи богатырях // Сказки русских писателей. - М.: ЭКСМО, 2006 - 608 с.
10. **Русский литературный анекдот конца XVIII - XIX века** / Вступ.ст. Е. Курганова; Сост. и примеч. Е. Курганова и Н. Охотина; Худож. Г. Клодт. - М.: Худож. лит., 1990. - 270 с.
11. **Слышкин Г. Г.** От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. - М.: Academia, 2000. - 128 с.
12. **Собрание народных песен П. В. Кириевского.** - Тула: Приок. кн. изд-во, 1986. - 462 с.
13. **Фразеологический словарь русского литературного языка:** В 2 т. / Сост. А. И. Федоров. - М.: Цитадель, 1997. - Т. 1: А-М; Т. 2: Н-Я.